

18+

Сергей Редков

ЭХО ВДОХНОВЕНИЙ

книга первая

Сергей Редков
Эхо вдохновений. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826218

ISBN 9785449398376

Аннотация

Это первая книга из цикла «Эхо вдохновений». В книгу входят переосмысленные, отредактированные, тщательно отобранные и доработанные стихи, написанные автором в течение прошедших десяти лет. Приятного прочтения!

Содержание

Родное солнце	7
Родное солнце	7
«Морозно. Бесприютно. Одиноко...»	9
«Не дай нам бог остаться без приюта...»	10
В ночь на Рождество	11
Зимнее утро	13
День	14
Сельский Паганини	15
Не хлопайте дверью!	17
Мало ли чего	19
В сквере Героев-Афганцев	21
Сны	23
Ковыль	24
Зарисовка «Гроза»	25
«Горизонт...»	26
В городском парке	27
«В пруду сверкают окуни...»	28
«С высоты седьмого этажа...»	29
Любимый цвет	30
Парадокс	31
Жизнь	32
Танцующий фонтан	33
Вид с колеса обозрения	35

«У бессонницы тоже есть плюс...»	36
Ноктюрн	37
Голод	39
Дорога к морю	41
«Мне хочется уехать от себя...»	41
Из цикла «Вокзалы»	42
1. Поэт и поезд	42
2. Вокзалы	44
3. В ночном поезде	45
«Есть что-то неизбежное – как время...»	47
Три зарисовки из Абхазии	48
1. Ночное море	48
2. Озеро Рица	48
3. В пещерах Нового Афона	50
Камни Горгиппии*	51
1. На пляже	51
2. Морская душа	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эхо вдохновений

Книга первая

Сергей Редков

© Сергей Редков, 2020

ISBN 978-5-4493-9837-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Редков Сергей Александрович. Музыкант. Поэт. Прозаик. Родился в Туле в 1978 году. В 2005 окончил Московский Государственный Университет Культуры и Искусств (МГУ-КИ). Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в журналах «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), в альманахах «Иван-озеро», «Порог-АК», «Литературная Тула», «День Тульской поэзии» и др. В 2011 году стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин. Финалист конкурса «Чем жива душа» (Ярославль. 2015). Победитель конкурса «Цветет ковыль» (2016) Регулярно выступает на поэтических площадках Тулы и области. Автор нескольких поэтических сборников.

Родное солнце

Родное солнце

Солнце над Лондоном,
Бергенем,
Краковом
Светит и греет
почти одинаково —
День возвещает
небесным гонцом.
Я же люблю,
угощением лакомым,
Снегом сверкающий
вечером маковым,
Солнечный свет
над родимым крыльцом.

Если судьба приготовит нелёгкие
Дни испытаний,
дороги далёкие —
Встречу я всё
со спокойным лицом.
Лишь бы,
как прежде,

лучами широкими,
Мне улыбался в часы одинокие
Солнечный свет
над любимым крыльцом.

«Морозно. Бесприютно. Одинок...»

Морозно. Бесприютно. Одинок.
Стучат часы. Кукушка зябнет в них.
Хрустальной резьбой покрыты окна,
И свет звезды воришкой в дом проник.

Скользит луна над крышами бесшумно.
Ласкает ночь сугробов снежный ворс.
Зажечь свечу и, главное, не думать
Сейчас о тех, кто телом в землю вмёрз.

А думать о весне, прижавшись к печке,
О жарком солнце, что согреет путь,
Услышать чью-то песню на крыльчке,
Увидеть луг в ромашках и... уснуть.

«Не дай нам бог остаться без приюта...»

Не дай нам бог остаться без приюта
В такую ночь, когда зима, ворча,
Колочек снежных достаёт колчан
И целит прямо в шею ветром лютым,
Дерёт за уши и вгоняет в дрожь,
А на усах и бороде – ледышек брошь.

И сразу всё понятно: счастье – это
Не звон монет, не почести, не власть,
Не слава, не могущество, не страсть,
Которая ведёт к плодам запретным.
Нет! Счастье – это тёплая постель,
Когда во тьме свирепствует метель.

В ночь на Рождество

памяти Табуновой Н.

Рождество... Морозный вечер.
У дорожной полосы,
Рюкзачки взвалив на плечи,
Ждут автобус мать и сын.

– Мама, мама, как мне зябко!
Что ж автобус не спешит?
– Натяни сильнее шапку
И в ладони подыши.

А мороз, назло, крепчает.
Вьётся выюга. Снег скрипит.
А водитель выпил чаю,
И – в гараж. У печки спит.

– Мама, стало холоднее,
Мы замёрзнем средь полей!
– Ты прижмись ко мне сильнее.
Я укрою. Так теплей?

Спи, малыш. Свернись клубочком.
Вспомни тёплую весну.
Пролетит в минуту ночка.

Я с тобою. Ты уснул?

Пусть приснится полдень ясный
И цветенья торжество.
Говорят, младенец в яслях
Снится в ночь на Рождество.

...Ночь прошла. Настало утро,
И автобус в рейс спешит.
У дороги, в снежной пудре,
Мама мёртвая лежит.

Кто-то крикнул: «Поздно слишком!»
Кто-то в слёзы, сам не свой...
А под мамой – спит мальчишка.
Еле дышит, но – живой.

Зимнее утро

В моём окне
гирлянды тусклых звёзд.
Кострищем, тлеющим в снегу,
мерцает город.
Его замёрзший сон
рассветом вспорот,
встревожен шорохом
людских бетонных гнёзд,
стреножен вьюгами,
морозами исколот,
перебинтован слякотью дорог,
окутан паром
из трубы котельной...

Такой вот
полусказочный мирок,
где люди и тепло
живут
отдельно.

День

Сон. Будильник. Уборная.
Кухня. Остатки компота.
Утро – как ночь – чёрное.
Дикий галоп на работу.

Лезем в трамваи синхронно мы.
В окнах – районы родные.
Движет тела полусонные
Бурный поток в проходные.

После работы – за сборную
Будем болеть всею глоткой.
Ванная. Кухня. Уборная.
А перед сном – рюмка водки...

Эта тоска беспросветная
Длится со времени Ноя.
Господи! Есть кроме этого
В жизни хоть что-то иное!

Сельский Паганини

По улицам шахтёрского посёлка
идёт «очкарик». За плечами – скрипка.
А в спину взгляд мальчишек, как иголка.
А на лице очкарика – улыбка.

Ведь завтра после школы в сельском клубе
его на конкурсе прослушает профессор,
который был в Париже и на Кубе —
играл там партию в одной известной мессе.

Профессор заберёт его в столицу,
где скрипачей не бьют насмешки ради,
где парень будет музыке учиться
и выступать, как минимум, на радио...

Ах, бедный мальчик! Завтра не случится
твоя мечта, профессор не приедет:
с гастролями летит сейчас он в Ниццу,
а не в село, где «водка да медведи».

Ты подрастёшь, устроишься на шахту.
Всё реже станешь думать об оркестрах.
Придёшь домой. Сыграешь пару тактов.
Жена зевнёт: «Ложись уже, маэстро».

И ты заснёшь с мечтательной улыбкой.
Тебе приснится сцена в центре леса.
В руке – смычок. Поёт, как ангел, скрипка.
Зверьё притихло. Смотрит с интересом.

Медведи слушают и плачут. И мечтают
стать ближе к людям, позабыть о водке...
Звенит будильник...

Псы за речкой лают...

А вместо музыки – шипенье сковородки.

Не хлопайте дверью!

«Не хлопайте дверью!» – вещает табличка.
«Не хлопайте дверью!» – кричит медсестра.
Она в раздражении, хмурится личико —
В приёмной хлопки раздаются с утра.

Больничная дверь не даёт ей покоя:
Сломалась пружина. Не чинит никто.
– Пожалуйста, дверь придержите рукою!
Не слышат. Проходят. Снимают пальто.

На грязную обувь наденут бахилы,
Неспешно поднимутся на этажи.
– Не хлопайте дверью, прошу вас, нет силы.
Сестра на пределе – от гнева дрожит...

Закончена смена. Сестричка в дороге.
В холодном троллейбусе едет домой.
Исправлена дверь у родного порога.
– Так вот оно счастье то, боже ты мой!

А ночью...

А ночью ей сон будет сниться:
(Не птица приснится, не рыба, не зверь)
Она – пациент, и попала в больницу,
В которой гремела железная дверь.

Но дверь – не гремит. Тишина, словно в склепе.
Никто не спешит, не приходит сюда.
И страх в темноте злые образы лепит,
И нет никого, когда рядом беда...

Спасением свыше трезвонит будильник.
Как много порою расскажет нам сон.
Погасла луна, как разбитый светильник,
А солнце, как жизнь, льётся в створы окон.

Спокойна сестричка в достаточной мере —
Удары железа не так уж страшны.
Ведь если внизу раздаётся стук двери,
То значит – кому-то ещё мы нужны.

Мало ли чего

Над старым двориком клубком
Свернулись облака.
Здесь будут строить новый дом,
Высотку... А пока
Резные ставни уронив,
Торчит фрагмент стены.
Тут жил купец – богат, ленив, —
Любитель пастилы.
Потом рабочий в доме жил,
А после – детский врач.
Затем – ни звука... Закружил
Над свалкой чёрный грач.

В грязи лежит аптечка, стул,
От куклы голова.
Где в печке жаркий ветер дул —
Щетинится трава.
На ней истлевшее панно —
Цветов не густо. Да-а.
Там, где иконам быть должно —
Зияет пустота...

К себе домой скорей бегу.
Кружусь, верчусь пчелой.
Иконку примостил в углу —

Ведь «мало ли чего».

В сквере Героев-Афганцев

Ветрами до блеска начищен гранит,
что в золоте имя героев хранит,
а рядом, катаясь по зеркалу плит,
мальш разыгрался румяный.

Не место для игр!

Но не-
виноват

мальчишка, не знающий траурных дат,
ведущий

в придуманном мире
солдат
в атаку
сквозь дождь и туманы.

Он щёки раздул,

туманится взгляд,

в его голове канонады гремят,
и танки врага так красиво горят,
Но всё – завершится парадом.

А если ранение выстрел принёс —
зацепит его лишь чуть-чуть, не всерьёз,
и мальчик не будет показывать слёз,
ведь мама стоит где-то рядом.

А в городе – солнце!

Пригожий денёк.

Влюблённый на лавочке нежно привлёк
подругу в объятия.

В глазах – огонёк,
и сердце от радости сжалось.

Из окон открытых Антонов поёт...

Но что это?! Мальчик фломастер берёт:
на плитах выводит он имя своё,
ведь завтра...

Нет-нет, показалось!

СНЫ

Солнце светом лето славит,
В небе – клинья журавлей.
Ноги тонут в разнотравье,
В пряном бархате полей.

Цветом синим, жёлтым, алым
До краёв простор залит...
Под цветочным одеялом
Павший воин крепко спит.

Нет, ему сейчас не снится
Тот последний страшный бой,
Ни кровавые зарницы,
Ни снарядов жуткий вой,

Ни бойцы в порядке стройном,
Что в той битве полегли —
Сны, как в детстве, дарит воину
Мягкая постель земли.

Снится: мать качает сына,
Сквозь пургу – родная речь,
Снится всё, за что не стыдно
В жаркой схватке в землю лечь.

Ковыль

До горизонта поле морем белым,
Увидеть это чудо поспеши:
Седой ковыль свои готовит стрелы,
По ветру оперенье распушив.

Упругий стебель гнётся тетивою.
Впиваясь, в землю входят семена.
Кто научил тебя рождаться с боем?
Жестокие степные племена?

Копытами топтали, выжигали,
В крови топили росные луга.
Но травы, как и люди, выживали.
Назло завистникам, предателям, врагам.

С тех пор закат в кровавый цвет окрашен.
Но раны те затянутся к утру...
Седой ковыль, как память предков наших,
Колышется, трепещет на ветру.

Зарисовка «Гроза»

Ковыль и ветер...

К горизонту

Бегут в полях седые волны.

Над ними разыграли рондо

Литавры грома, эха горны

И цветомузыка грозы...

Не пряча в шарфики носы,

Под ливнем разрезвились дети

(Их жизнь сейчас – ковыль и ветер,

Их жизнь – хрусталики росы).

Беспечные, в траве по пояс,

Бегут, промокшие, оравой.

Родители, беспокоясь,

Велят укрыться им в дубраве.

А в небе – гибких молний плети,

А в небе – рваной тучи след...

Моя страна – ковыль и ветер,

Ненастье в ночь

и вновь

рассвет...

«Горизонт...»

Горизонт...

Бесконечная линия
Рассекает весь мир пополам —
Небеса с журавлиными клиньями
И земля в изумрудье полян.

Там где горы —
там кардиограммою
Преломляется линия та.
Дуновение ветра над храмами.
За оградой погоста – плита.

Очертания молнии резкие,
В послегрозые пьянящий озон
И бездонье полей с перелесками.

Дух и плоть.

И клинком – горизонт.

В городском парке

Спасибо деревьям
за то,
что молчат понимающе.

Спасибо оркестрам,
любимые песни
играющим.

Спасибо дорожкам
за то,
что куда-то ведут.

Спасибо тюльпанам
за то,
что и в горе цветут.

Спасибо гуляющим парам
за свет их улыбок.

Спасибо скульптурам,
не знающим боли ошибок.

Спасибо за вечер,
что вместе с душой
замирает.

Спасибо за чувство
когда-то забытого
рая.

«В пруду сверкают окуни...»

В пруду сверкают окуни,
Весенний птичий гам:
И свист, и звон, и щёлканье
С ветвей слетает к нам.

Стволов колонны медные
Склонились над водой.
У берега беседуем,
В твоей моя ладонь.

До завтра распрощаемся.
Опять придём сюда...
Лишь только не кончалось бы
То счастье никогда!

«С высоты седьмого этажа...»

С высоты седьмого этажа
виден город,
пыльный горизонт...

Выходной,
и я хочу сбежать.

Взять воды,
на всякий случай, зонт,
и – в поля!

Как в детстве, утонуть
в глубине ромашковых морей.
А под вечер на траве уснуть
на манер индейцев и зверей.

И прийти домой, когда темно.

И подумать тихо про себя:

«Боже!

Как приятно и умно
для людей

устроена
Земля».

Любимый цвет

С самых ранних, самых нежных лет
Полюбился мне зелёный цвет.

Помню, я в кроватке, года два,
А в окне – зелёная листва.
Чуть подрос, и вижу – чудеса! —
Надо мною, зонтиком, леса.

Время шло, и мне почти что пять.
Вышел за деревню погулять.
Разбегаюсь, пятками пыля,
А вокруг – зелёные поля!

И тогда я понял: «Нет милей
Зеленеющей земли моей».

Парадокс

Когда мне было восемь лет,
Я знал о жизни всё:
Я знал, что аист на крыле,
Детишек в дом несёт.

Что по ночам кричат коты,
Что где-то есть моря.
Что в хрупком зеркале воды
Дрожу, как призрак, – я.

Что в холодильнике – еда,
А ночью – сладкий сон.
Что не ко мне придёт беда
Под карканье ворон...

Прошли года, вперёд маня.
Я сильно повзрослел.
«Учёность» детская моя
Рассыпалась, как мел.

Изведал я, что всё – сложнее;
Что жизнь, порой, как бокс.
И – ничего не смыслю в ней...
Такой вот парадокс.

Жизнь

Мне восемь лет, а за окном – весна.

Каникулы синичка принесла.

Весь день гулять!

Ведь вечер так не скоро...

Танцующий фонтан

Фантастический зверь брызжет пеной из лап.
Извивается плетью струя.
Изумрудом, рубином – гирлянды из ламп
Чуть мерцая, на дне горят.

Под мелодию вальса танцуют лучи,
На дрожашую падая гладь.
И завидуют птицы: «Вода, научи
Так изящно над бездной взлетать»

Безмятежные пары сомкнули уста,
У фонтана скульптурой застыв.
Водяная вуаль, от круженья устав,
Оседает, сплетаясь в мосты.

Как по радуге, сердце по звонкой дуге
С фиолета на сурик скользнёт.
И хрустальная капля, блеснув на руке,
Про гигантские волны споёт.

Будет хвастаться мощью и силой воды,
Что смывает в моря города,
Ведь ущелья в горах – это тоже следы,
Что оставит, вгрызаясь, вода.

А затем удивится – зачем человек
Сотворил столь капризный изыск,
Где бурлящих потоков направился бег
В эту шумную клетку из брызг.

Для чего? Я отвечу – задача проста:
Чтобы капли сплетались в мосты,
И влюблённые пары смыкали уста
У фонтана, скульптурой застыв.

Чтобы в мире, где горы слабее реки,
Где уходят на дно города,
Разрушениям вечным была вопреки,
Как спасение всем – красота.

Вид с колеса обозрения

Вчера я видел город на закате:
По небу заревому он парил.
На облаке, подобном белой вате,
Мосты возникли с кружевом перил.
Из облака слепились шпили башен,
Из облака маяк летел, горя.
Дома, дворцы, один другого краше,
Небесных улиц украшали ряд.
Лучи каналов – словно устье Нила.
Из облака по ним скользил корвет.
О, как же в те места меня манило,
Как будто на земле и счастья нет!
Как будто в небе – идеальный город,
И нет болезней в нём, нет похорон.
Не встретишь ни обманщика, ни вора,
И ничего душе не причинит урон.
Но разве так бывает? Я не знаю.
Ударил ветер – город вмиг исчез.
На землю опустился я с небес,
Но то виденье часто вспоминаю.

«У бессонницы тоже есть плюс...»

У бессонницы тоже есть плюс...
Ты на кухне, под мягким халатом.
В окнах небо – малиновый мусс,
С ложкой солнца, блестящей булатом.

Ты – Адам. Видишь первый рассвет.
Ты единственный в городе спящем,
Кто узнал о закате планет,
Исчезающих в небе горящем.

Ты единственный, ради кого
Алым цветом восток разруганен.
Скоро птиц зазвонит разговор.
Скоро выйдут из дома Земляне.

Ярких звёздочек гаснут цветы.
Сбросив ночь, пробуждаются здания.
Заведён механизм суеты,
Но пока – тишина первозданная...

Ноктюрн

Дремлют немые дома,
Словно на полке тома.

Лишь в полумраке одно
Звёздочкой светит окно.

Кто электричество жжёт?
Сына иль «скорую» ждёт?

Может быть, страшно кому —
Свет как надежда ему?

Мы не узнаем ответ...
Новый наступит рассвет.

Чей-то судьбы огонёк
В общий вольётся поток.

Город проснётся. Заря
Стёкла румянит, горя.

В блеске окон этажи.
Утро...

Работа...

Жизнь...

Голод

Меня мучает странный голод.
Не застолий желаю. Нет!
Я глазами к рассветам приколот,
Я зубами рву бусы планет.

И в созвездия впившись вопросом,
Ем сиянье далёких светил —
Ярких точек небесное просо
Разве кто-то мне есть запретил?

Я набью свой живот до упора
Сладкой ватой седых облаков.
Не боясь ни молвы, ни укора
Утоплю в небе ярость клыков.

Я вгрызусь в неприступные горы,
В ароматные плоти полей.
Что мне сладкие ваши кагоры?
Океан за здоровье налей!

Я пирую...

А время, как ослик,
Не спеша тянет всех на погост.
Я наемся, конечно. Но после
Будет ждать меня

дли-и-ительный пост.

Оттого и бешусь дни и ночи,
Что не вечна, не вечна весна.
Я спешу накормить свои очи
Каждым днём,
 что кипит допоздна.

Дорога к морю

«Мне хочется уехать от себя...»

Мне хочется уехать от себя,
Чтоб отыскать себя же, но другого —
Достойного признания людского
И счастья жить, сгорая и любя.

Мне кажется, что «где-то», но не «здесь»
Я стану лучше, чище и добрее,
Душа моя проснётся и прозреет
И сбросит с плеч уныние и спесь.

Поэтому – меняю города
И посвящаю жизнь дорожной музе.
Но как же много радужных иллюзий
С годами исчезает навсегда!

Чем дальше еду, тем яснее суть —
Не сбыться угасающей надежде:
Я остаюсь таким же, как и прежде,
Куда бы не свернул мой долгий путь.

Из цикла «Вокзалы»

1. Поэт и поезд

потерявшему берега поэту N

Когда поэт, признаньем опьянённый,
С высот заоблачных на общество глядит,
Он головой качает отрешённо.
– Толпа презренная! – поморщившись, твердит...

Наезднику капризного Пегаса
Я посоветовал бы нос не задирать,
А съездить на вокзал, узнать, где касса,
Увидеть очередь и место в ней занять.

Купить билет, взвалить рюкзак на плечи,
Взять в руки удочку и двигать на перрон.
Услышать не хорей, а просторечие,
Садясь в заполненный «толпой» вагон.

Раскрыть глаза невинные пошире.
Достать бельё, с трудом на полку влезть.
И, наконец, понять, что в нашем мире
«ТОЛПЫ» не существует – «ЛЮДИ» есть.

Вот мать с ребёнком чутко задремала.
А вот матрос, высокий как флагшток.
Шахтёр с Кузбасса, рыболов с Ямала...
Не до стихов твоих им? Ну и что?

А ты не знал, что есть дела важнее,
Чем слушать поэтическую речь?
Когда завязнут все в стихах по шею,
Кто будет строить, сеять, булки печь?

Поэзия – не средство возвышения
Над «бренным» миром, что «погряз» в трудах.
Она источник счастья в дни лишений,
Маяк в час бури и приют в горах.

Но ты от сложных дел стоишь в сторонке,
Бесплотные рисуя миражи.
В плацкартах нет возвышенности тонкой,
Зато есть жизнь – без масок и без лжи.

Зато есть лица, мысли, жесты, взгляды,
О мелочах житейских разговор
И жалобы, мол, всюду беспорядок,
И о делах в стране негромкий спор.

Потом есть утро и восход румяный,
И поплавок на зеркале реки,
И блеск росы, и запах сена пряный,
И тишина в предчувствии строки.

2. Вокзалы

Женским голосом сверху звенит,
Стрелы рельс в горизонты вонзает,
Перевёрнутым ульем гудит
Вавилонская Башня вокзала.

Я ныряю в потоки людей —
Меня сносит течением судеб.
Не поймёшь здесь кто свят,
 кто злодей,
Кто грешит, кто карает, кто судит.

Накрывают меня с головой
Беспощадные волны разлуки.
Кто-то дом покидает свой,
Кто-то жмёт на прощание руки.

Кто-то едет за солью морей,
За ракушкой и бронзой загара.
Я же прыгаю в море людей
И купаюсь в их судьбах задаром.

3. В ночном поезде

Скорый поезд резво мчится
Вдоль ночных полей.
– Будь любезна, проводница,
Чаю мне налей.

Не могу заснуть я ночью,
Хоть душой и чист.
Сон мой нервный
 рвёт на клочья
Чей-то храп и свист.

Фонари на полустанках
Свой наносят вред:
Мне по векам, как по ранкам,
Бьёт слепящий свет.

Злые тени корчат рожи,
Дождик моросит.
Положение лишь может
Разговор спасти.

Но не станет проводница
Слушать мой рассказ.
– Что вам надо?! – возмутится, —
Я не знаю вас.

Недоверие рождается
К внешности моей.
– Ты не бойся, проводница,
Просто чай налей.

По ступенькам мокрых станций
Свой продолжу путь.
И под утро, может статься,
Всё ж смогу заснуть.

«Есть что-то неизбежное – как время...»

Есть что-то неизбежное – как время,
В колёсном перестуке поездов,
В ритмичном беге рек и городов,
В мерцании звезды, что в небе дремлет,
В змеином танце гибких проводов
На фоне отцветающих садов
И в прелести зардевшихся закатов...

С поездкой в поезде
сравнил я жизнь когда-то,
Похожие черты посмел найти:
Лежишь на полке, а вагон – летит.
В окне мелькают люди, встречи, даты.
И кажется, что нет конца пути —
Одни лишь развлечения впереди.

Три зарисовки из Абхазии

1. Ночное море

Что-то чёрное, пенное, вязкое,
Словно цепью о берег лязгает:
Это волны – безумные странницы —
К нашим страхам руками тянутся.
И солёными пальцами алчными
Ударяют по клавишам галечным,
Исполняя сонаты змеиные,
Где все ноты – шипящие длинные —
Между скалами эхом полощутся...
Убежать в свои мысли хочется!
В них ракушка и солнце яркое,
И фрегат под небесною аркою,
И ни капли,
Ни капли не страшно.

2. Озеро Рица

Озеро Рица —
Глаз изумрудный,

Впившийся в небо
Взором хрустальным.
Вечером,
Ночью,
Солнечным утром
Воды скрывают
Тёмные тайны.

Вечность,
Губами
Прильнув к водопадам,
Пьёт молоко
Древних скал полногрудых.
Дремлют легенды
На склоне покатом.
Озеро Рица —
Мир изумрудный.

Духи вселенной
Землю венчают
С небом,
Осыпанным
Звёздною горстью.
Озеро Рица —
Мир изначальный.
Входишь в него
Не хозяином —
Гостем.

3. В пещерах Нового Афона

Подгорный мир в расщелинах пород.
Приют мятежных душ и вечной ночи.
Творение слепых подземных зодчих,
Украшивших резьбой пещерный свод
Невидимым резцом бурлящих вод
И кистью заблудившегося ветра.

Не пахнет здесь ни розами, ни цедрой.
Неведом здесь ни страх, ни тяжкий труд.
Лишь эхо раздаётся смехом грубым,
Когда очередных туристов группа
По мостикам проходит свой маршрут,
Мечтая поскорей вернуться к свету.
Туда, где жизнь и солнечное лето.

Камни Горгиии*

1. На пляже

*Пляж похож на Мамаево побоище: кругом тела,
тела...*

А. Овчаренко. «Антон и Паола»

На пляже в полдень
 быть мне привелось —
Ни шороха, ни шёпота – ни звука!
Кругом тела,
 пробитые насквозь
Стрелюю острой
 солнечного лука.

И тёплый пот,
 как кровь,
 ушёл в песок.
Кольчугой рваной
 слезла с носа кожа.
Коньяк с вином
 вошли копьём в висок —
Упал герой,
 и встать уже не может.

Но к ночи – чудеса произойдут:
Светило сжалится
 и спрячет стрелы в море.
Воскреснут павшие,
 по улочкам пройдут,
О качестве загара
 громко споря...

2. Морская душа

Маяк,
 пчелой-альбиносом,
На лапках поднялся над морем.
Моряк
 с компасом-носом
Чайкой кричит,
 спорит
С берегом,
 ставшим на якорь —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.